

Клан Линь из Юйчжоу слыл не просто богатым — он был сказочно состоятелен. Владея огромными угодьями в Цзяннани, эти коммерческие воротилы государства Сиинь ворочали такими суммами, что могли бы потягаться с казной целой страны. В пору расцвета Ин Сыиня они, следуя за ним, нажили баснословные капиталы, мгновенно взлетев на вершину купеческого мира. Позже, когда маркиз удалился в Цзибэй, торговая жилка взяла верх над верностью, и связи между домами постепенно истончились.

Однако Цзибэй по-прежнему ежегодно собирал здесь дань. Ин Сыинь никогда не отличался мягкосердечием: одним росчерком пера он забирал половину хранилищ клана. В поднебесной шептались, будто хоу Сяовэнь из-за практики темных искусств превратился в калеку, но Лини, на своем веку видевшие его в деле, не смели в это верить. Пока Ин Сыинь не испустил дух, любое сопротивление для них было равносильно самоубийству.

— Беда! Хозяин, беда случилась! — вопил слуга, вваливаясь в поместье и едва не сбивая с ног охрану.

С тех пор как Ин Цзинвэнь потерпел неудачу в Цзибэй, он, вернувшись в Имперскую столицу, первым делом принялся рассылать воззвания, стремясь переманить на свою сторону влиятельные кланы и школы боевых искусств. Господин Линь как раз разглядывал императорское послание, не зная, как поступить. Ин Сыинь был тираном, которого мечтали извести все, но кто в здравом уме рискнул бы пойти против него открыто?

Аккуратно сложив письмо за пазуху, старик недовольно нахмурился:

— Что за паника? Где твоё достоинство?

— Беда, хозяин! Большая беда! — голос слуги сорвался на визг. — Скорее, зовите людей, нужно спасти третью барышню!

— Снова она во что-то вляпалась? — Господин Линь остался равнодушен.

Юйчжоу давно превратилось в личную вотчину их семьи: каждый дюйм этой земли был выкуплен за золото. Его дочь, Линь Юэсинь, с пеленок не знала отказа. Она росла в эпоху величайшего могущества клана, под сенью славы Поместья хоу Цзибэй, и привыкла, что весь мир склоняется перед её капризами. Избить прохожего или разнести лавку для неё было обычным делом.

— В город въехали чужаки на повозке, — задыхаясь, докладывал слуга. — Сказали, из поместья хоу Цзибэй. Барышня увидела, что на экипаже нет родовых колокольчиков, и решила, что это самозванцы. Сцепилась с их предводителем, мальчишкой, а тот оказался мастером... Наши люди и пикнуть не успели, как он всех раскидал. Теперь он держит третью барышню и грозит оторвать ей руку, если мы не дадим объяснений!

— Наглость! — старик в ярости грохнул ладонью по столу. — Кто посмел бесчинствовать на

моей земле? Мало того что дочь схватили, так ещё и именем Хоу Сяовэня прикрываются! Эй, немедленно послать гонца в Цзибэй! Пусть Ин Сыинь пришлет людей схватить этих преступников!

Линь уже собрался было выйти, но внезапно замер и обернулся:

— Тот наглец, что ранил Юэсинь... как он выглядит? Есть у него приметы?

— Имени не назвал, но за спиной у него огромный железный тубус. Говорит, палит из него так, что искры летят!

— Железный тубус? — старик побледнел, и в его глазах отразился первобытный ужас. — Неужели... Гу Цзэсяо? Тот самый «Громовержец» из Помесья хоу Цзибэй?

В списке десяти величайших артефактов Поднебесной лишь один мастер носил за спиной такую трубу. Сомнений быть не могло.

Гу Цзэсяо едва сдерживал ярость. Весь путь до Юйчжоу он вынужден был глотать обиды: Ин Сыиню слова поперек не скажи, Шэнь Цинханя не задень. Сидящие в карете господина то и дело изводили его поручениями: то им лепешек купи, то у них в пылу ласк губа до крови прокушена — подавай лекаря и мази!

«Сам же его загрыз, скотина, — ворчал про себя Гу Цзэсяо, — а теперь невольников гоняет лечить своего ненаглядного».

Словно этого было мало, прямо у лавки он столкнулся с какой-то местной мегерой. Слово за слово, вспыхнула ссора, и откуда ни возьмись выскочили дюжие молодцы, пытаясь скрутить его. Громовержец терпеть не стал. Один выстрел — и от аптекарской лавки остались лишь руины, из которых, отряхиваясь от пыли, чудом выбирались перепуганные лекари и пациенты.

Ин Сыинь, не обращая внимания на грохот снаружи, заворожено разглядывал багровую метку на губе Шэнь Цинханя. Когда кусал — не сомневался, а теперь, терзаемый раскаянием, боялся даже коснуться ранки, чтобы не причинить боли. Стоило его пальцам шевельнуться, как Цинхань раздраженно отпихнул его руку.

Снова эти капризы.

— Чэнъинь, — маркиз приоткрыл занавеску и окликнул юношу-посыльного. — Скажи Цзэсяо, чтобы прекращал балаган. Пусть берет лекарство, и едем дальше.

— Ты и иди, — Шэнь Цинхань толкнул Ин Сыиня в плечо. — Сам укусил, сам и лечи.

— Хоу, должно быть, утомился в дороге, давайте я схожу! — вмешался Чэнъинь. В отличие от вспыльчивого Громовержца, этот юноша обладал мягким нравом и поразительным чутьем. Он искренне опасался, что Цинхань рано или поздно доведет непредсказуемого господина до точки кипения, и от красавца не останется даже хладного труп.

Чэнъинь хотел было разрядить обстановку, но Ин Сыинь внезапно преградил ему путь рукой.

— Отдыхай, — бросил маркиз. — Я сам схожу.

Чэнъинь застыл с открытым ртом. В мире нашелся человек, способный помыкать Ин Сыинем... и тот подчинился?

Шэнь Цинхань выглянул из повозки. След на его губе выглядел скверно. Заметив взгляд Чэнъиня, он отвернулся, а тот, смутившись, протянул ему сверток с горячими лепешками:

— Молодой господин Шэнь, вы, должно быть, проголодались? Поешьте, пока не остыли.

Цинхань проводил взглядом Ин Сыиня и сухо ответил:

— Не хочу. Губа болит.

Он задернул шторку, скрывшись в полумраке экипажа. Тяжелые, жирные лепешки вызывали у него лишь отвращение; он упомянул их лишь как предлог, чтобы заманить маркиза в Юйчжоу.

— Жалкий червь! Ты хоть знаешь, кто перед тобой?! Кого ты пугаешь своей железкой? — визгливый голос Линь Юэсинь разносился над толпой, словно предсмертный хрип свиньи. — А ну отпусти, мерзавец! Ты в Юйчжоу, здесь всё принадлежит Линям! Жить надоело?!

Ин Сыинь поморщился. Он терпеть не мог женский визг, пробирающий до костей.

— Лини? — огрызнулся Гу Цзэсяо, не ослабляя хватки. — Да будь ты хоть из клана самого Нефритового императора, мне плевать. А ну, живо проси прощения! Трижды крикнешь: «Дедушка, пощади!», и я, так и быть, оставлю тебе руку.

— Ах ты ублюдок! Да ты хоть знаешь, кто я?!

— Это ты, дрянь, знаешь, кто твой дед?!

Ин Сыинь тяжело вздохнул и потер лоб. Двое детей не поделили игрушку. Раз уж он прибыл в Юйчжоу, следовало навестить старых «друзей» — большинство средств в его сокровищнице появилось именно благодаря этим землям. Он не боялся врагов, но с годами юношеская жажда крови уступила место прагматизму. К чему лишний шум? К тому же, если его люди будут средь бела дня третировать девчонок, это бросит тень на репутацию Поместья хоу Цзибэй.

Маркиз небрежно щелкнул пальцами. Подхваченный потоком внутренней силы камешек свистнул в воздухе и точно ударил Гу Цзэсяо по запястью. Удар был не сильным, но чувствительным.

— Ай! — вскрикнул тот и невольно разжал пальцы.

Слуги Линей тут же бросились к своей хозяйке, вырывая её из рук противника. Гу Цзэсяо уже набрал в грудь воздуха, чтобы разразиться проклятиями, но, увидев лицо Ин Сыиня, едва не рухнул на колени. Он мгновенно вспомнил, зачем его послали.

Лекарство!

Он обернулся к лавке, но на её месте красовалась лишь гора щебня и облако известковой пыли. Цзэсяо понуро опустил голову и поплелся к господину, как нашкодивший пес.

Ин Сыинь стоял молча, но одним своим видом подавлял волю. Аура абсолютной власти, казалось, исходила от него почти осязаемыми волнами. Заметив, что Громовержец притих, Линь Юэсинь расправила плечи.

— Я-то думала, ты безродный бродяга, а у тебя, оказывается, есть хозяин! — она презрительно сплюнула. — Глядите-ка, поджал хвост! Ну что, невоспитанная мразь, слабо еще разок схлестнуться? Я тебя заставлю в пыли валяться и ноги мне целовать!

Гу Цзэсяо кипел, но не смел шелохнуться под взглядом маркиза. Он стерпел бы и большее, но Ин Сыинь, не проронив ни слова, внезапно сделал резкое движение кистью.

Невидимый глазу сгусток энергии, подобно тяжелому молоту, врезался девчонке прямо в грудь. Грянул глухой удар. Юэсинь даже не поняла, что произошло: из её рта брызнула кровь, в глазах потемнело, и она кулем рухнула на руки перепуганных слуг, мгновенно потеряв сознание.

— Барышня! Барышня! — в ужасе заголосили приспешники.

В этот момент в толпу вклинился Господин Линь. Он даже не взглянул на бесчувственную дочь. Увидев черные одежды Ин Сыиня и ощутив могильный холод, исходящий от него даже под палящим солнцем, старик рухнул на колени.

— Простите! Хоу Сяовэнь, пощадите! — он забился лбом о землю прямо в дорожную пыль, дрожа всем телом. — Не знал, не ведал, что вы удостоите нас визитом! Дочь моя глупа, глаза её застлало высокомерие, она не узнала ваше величие! Прошу, хоу, смилуйтесь, сохраните ей жизнь!

Куда делась былая спесь? На глазах у всего города богатейший человек Юйчжоу молил о пощаде, забыв о гордости. Он слишком хорошо знал: Ин Сыинь не просто защищал своих — он был одержим защитой своих людей. Своих он мог карать сам, но горе тому чужаку, кто посмеет оскорбить хотя бы конюха из Цзибэй. Для маркиза не существовало правил, кроме тех, что он устанавливал сам.

<http://bllate.org/book/17523/1662863>